

**ПЕРСПЕКТИВА КРИМИНАЛИЗАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ
В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ**

Невский Руслан Эмилевич

*аспирант кафедры уголовного права и процесса
Северо-Кавказского социального института
Ставрополь, Россия
E-mail: ruslan2007-94@mail.ru*

Введение. В настоящее время в российском уголовном законодательстве отсутствует самостоятельная норма о преступлениях против человечности. Автор считает это серьезным пробелом в системе преступлений против мира и безопасности человечества (глава 34 УК РФ).

Методы. Выводы, сделанные в статье, являются результатом использования общенаучного диалектического метода познания, а также частных методов (анализ, синтез, формально-логический).

Задачи. Автор в настоящей статье стремится обосновать необходимость непосредственной криминализации нормы о преступлениях против человечности в уголовном законодательстве России.

Результаты. В статье проанализированы доктринальные позиции относительно возможности и/или необходимости криминализации преступлений против человечности в национальном уголовном праве. Также учтены положения норм международного права, действующих для России, для решения вопроса о криминализации преступлений против человечности в УК РФ.

Выводы. В статье определены следующие основания криминализации преступлений против человечности в российском уголовном законодательстве: международно-правовые; конституционно-правовые; политико-правовые и социально-юридические. При формулировании нормы о преступлениях против человечности в УК РФ должны быть использованы положения уставов послевоенных трибуналов и современных уголовных трибуналов ad hoc, признаваемых Россией. В этой норме должны быть соблюдены традиционные приемы законодательной техники и учтен единый «контекстуальный элемент», присущий всем конкретным видам преступлений против человечности.

Ключевые слова: Уголовный кодекс РФ, криминализация, преступления против человечности, международное уголовное право, уставы международных уголовных трибуналов ad hoc, доктрина международного уголовного права.

**THE PROSPECT OF CRIMINALIZATION OF CRIMES
AGAINST HUMANITY IN RUSSIAN CRIMINAL LEGISLATION**

Ruslan E. Nevskiy

*Aspirant of the Department for Criminal Law and Procedure,
North Caucasus Social Institute
Stavropol, Russia
E-mail: ruslan2007-94@mail.ru*

Introduction. Currently, Russian criminal legislation lacks an independent norm on crimes against humanity. The author considers this to be a serious gap in the system of crimes against the peace and security of mankind (Chapter 34 of the Russian Criminal Code).

Methods. The conclusions made in the article are the result of using the general scientific dialectical method of cognition, as well as private methods (analysis, synthesis, formal-logical).

Tasks. The author in this article seeks to substantiate the need for direct criminalization of the norm on crimes against humanity in the criminal legislation of Russia.

Results. The article analyzes doctrinal positions regarding the possibility and/or necessity of criminalizing crimes against humanity in national criminal law. The provisions of the norms of international law in force for Russia are also taken into account to address the issue of criminalization of crimes against humanity in the Russian Criminal Code.

Conclusions. The article defines the following grounds for the criminalization of crimes against humanity in the Russian criminal legislation: international legal; constitutional and legal; political-legal and socio-legal. When formulating a rule on crimes against humanity in the Russian Criminal Code, the provisions of the statutes of post-war tribunals and modern ad hoc criminal tribunals recognized by Russia should be used. This rule should follow the traditional techniques of legislative technique and take into account a single «contextual element» inherent in all specific types of crimes against humanity.

Keywords: Russian Criminal Code, criminalization, crimes against humanity, international criminal law, statutes of international criminal tribunals ad hoc, doctrine of international criminal law

Введение

В решениях Нюрнбергского и Токийского трибуналов преступления против человечности были признаны одними из наиболее опасных для всего человечества. Наряду с преступлением агрессии и военными преступлениями они повсеместно стали расцениваться как международные преступления, ответственность за которые должна наступать вне зависимости от места и времени их совершения.

После Второй Мировой войны законодатели многих европейских государств установили преступность перечисленных деяний в национальном законодательстве. Этот шаг был сделан в целях повышения эффективности уголовного преследования лиц, совершивших такие преступления. Однако для России вопрос о криминализации преступлений против человечности до сих пор остается «открытым».

Результаты и обсуждение

Необходима ли самостоятельная криминализация преступлений против человечности в российском уголовном законодательстве?

Отвечая утвердительно на этот вопрос, попытаемся сформулировать систему аргументов «в пользу». Эти доводы можно условно разделить на следующие основания криминализации преступлений против человечности в УК РФ: международно-правовые, конституционно-правовые, политико-правовые и социально-правовые.

1. Международно-правовые основания криминализации преступлений против человечности в национальном уголовном законе, собственно говоря, просты. Даже если не брать в расчет положения Римского Статута Международного уголовного суда 1998 г., не имеющего силы для России, остается непреложным следующий факт: для нашей страны действует целый ряд международно-правовых документов, определяющих, обязывающих либо рекомендующих установить преступность деяний против человечности во внутреннем законодательстве.

Прежде всего, это касается обязывающих предписаний конвенционального характера, содержащихся в Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (1948 г.) и Конвенции о предупреждении преступления апартеида и наказании за него (1973 г.). Если преступность геноцида установлена в УК РФ (ст. 357) практически в полном соответствии с положениями соответствующей Конвенции, то обязательство по криминализации преступления апартеида не выполнено до сих пор [3, с. 471].

На первый взгляд, «уставные» нормы международного уголовного права (то есть, уставы Нюрнбергского и Токийского послевоенных трибуналов, уставы современных международных трибуналов ad hoc по Руанде и бывшей Югославии), имеющие силу для России, не содержат предписания криминализовать содержащуюся в них систему преступлений против человечности на национальном уровне. Однако это не совсем так. Названные «уставные» нормы международного уголовного права являются обычными нормами международного права, отражают общепринятую межгосударственную практику и, по существу, обладают признаками норм *jus cogens* – то есть, императивных международно-правовых норм высшей юридической силы. В соответствии со ст. 53 Венской Конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г., норма *jus cogens* принимается и признается международным сообществом государств как норма, отклонение от которой недопустимо и которая может быть изменена только последующей нормой общего международного права, носящей такой же характер.

В свою очередь, борьба с наиболее серьезными международными преступлениями, включая преступления против человечности, прямо вытекающая из норм *jus cogens*, порождает международное обязательство государства *erga omnes* [1, с. 50–52]. Обязательство такого характера («подразумевающее», в частности, криминализацию международных преступлений на национальном уровне) имеет универсальный характер перед всем мировым сообществом. В его обеспечении заинтересовано каждое государство.

В силу предписаний ч. 2 ст. 1 УК РФ, перечисленные нормы международного права, по существу, являются фундаментальным основанием отечественного уголовного законодательства. Недаром подавляющее большинство современных российских авторов расценивает (с различными вариациями) принципы и нормы международного права в качестве формальных источников национального уголовного права [5, с. 165–167]. А это значит, что имеются все международно-правовые основания криминализации преступлений против человечности в УК РФ.

2. Конституционно-правовые основания криминализации преступлений против человечности в УК РФ следуют из положений ч. 4 ст. 15 Конституции России о том, что общепризнанные принципы и нормы международного права включаются в ее правовую систему и обладают, в случае коллизии, приоритетом над национальным законодательством.

Следует отметить, что в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 под общепризнанной нормой международного права предписано считать «правило поведения, принимаемое и признаваемое международным сообществом государств в целом в качестве юридически обязательного». «Уставные» нормы международного уголовного права, в которых сформулирована система преступлений против человечности, бесспорно, надо расценивать в качестве «общепризнанных». Это, в свою очередь, означает, что существуют конституционно-правовые основания криминализации преступлений против человечности в УК РФ.

Говоря иными словами, исходя из конституционного положения о приоритете норм международного права над национальным правом, существует определенная правовая коллизия. Ее смысл состоит в следующем: общепризнанные нормы международного права содержат положения о преступлениях против человечности, а УК РФ – нет. И данная коллизия, с конституционно-правовой точки зрения, может быть разрешена лишь одним путем – путем криминализации этих преступлений в национальном законодательстве Российской Федерации.

Как известно, УК РФ предписывает включать все законы, касающиеся уголовной ответственности, непосредственно в текст уголовного закона (ч. 1 ст.1). Следовательно, нормы международного права, касающиеся вопросов уголовной ответственности и имеющие силу для России (признаваемые ей априори либо прошедшие все ратификационные процедуры и вступившие в силу) должны получить отражение непосредственно в уголовном законодательстве.

3. Политико-правовые основания криминализации преступлений против человечности, как ни парадоксально, на первый взгляд, связаны с задачей укрепления национального правового суверенитета российского государства.

Страны-участницы Римского Статута Международного уголовного суда различным образом и с разными вариациями криминализовали систему преступлений против человечности в своем уголовном законодательстве. При этом зарубежные специалисты единодушно отметили, что такая криминализация позволит провести более эффективное уголовное преследование лиц, совершивших преступления против человечности, именно на национальном уровне, так как национальные суды приоритетно применяют нормы внутреннего права. Соответственно, необходимость «оглядываться» на Международный уголовный суд (в плане уголовного преследования лиц, совершивших международные преступления) сводится к минимуму [10, с. 25].

Для России, не являющейся участницей Международного уголовного суда, криминализация преступлений против человечности в национальном УК еще более «выгодна» с политико-правовых позиций охраны национального суверенитета. «Эффективное» уголовное преследование лиц, совершивших такие преступления, в рамках национальной уголовной юстиции исключит потенциальную возможность не просто «оглядываться» на перманентный орган международной уголовной юстиции. Будет исключена возможность «предъявлять обвинения» (неважно, со стороны отдельных стран или «прогрессивного мирового сообщества») в том, что отечественная уголовная юстиция «неэффективна» либо «недостаточно» эффективна в плане борьбы с преступлениями против мира и безопасности человечества и нуждается в поддержке «извне».

4. Наконец, социально-юридические основания криминализации преступлений против человечности также носят очевидный характер: характер и степень тяжести (общественной опасности) этих преступлений настолько высок, что они просто не могут получать юридическую оценку как «общеуголовные» преступления, пусть и самые тяжкие (убийства, изнасилования и пр.).

Надо сказать, что в отечественной доктрине вопрос о «внутренней» криминализации преступлений против человечности уже обсуждался и был высказан ряд соответствующих предложений.

Например, еще до фактического отказа России от участия в Международном уголовном суде, коллектив авторов (Г.И. Богуш, Г.А. Есаков, В.Н. Русинова) предложил свою модель имплементации этих преступлений (а также военных преступлений) в УК РФ с максимально возможным дублированием положений Римского Статута. В результате получилась громоздкая конструкция, содержащая оценочные признаки (свойственные Римскому Статуту) и не отражающая современное понимание «контекстуального элемента» преступлений против человечности. В частности, их совершение предлагалось рассматривать «в увязке» с «неоднократным» (!) совершением «в рамках широкомасштабного или систематического нападения на гражданских лиц, предпринимаемого в целях проведения политики государства, организации или преступной группы либо в целях содействия такой политике» [2, с. 174–175].

Другой вариант криминализации преступлений против человечности был предложен Т. И. Курносовой (также до отказа России от участия в Международном уголовном суде). В предложенном ей проекте нормы о преступлениях против человечности отсутствует жесткая «увязка» с положениями Римского Статута, а терминология в большей мере соответствует традициям отечественного законодательства. Однако «контекстуальный элемент» преступлений против человечности неожиданно связывался не только с «широкомасштабным или систематическим нападением на гражданских лиц», но и с «целями проведения политики государства или оформленной вооруженной силы или политической организации по осуществлению такого нападения» [6, с. 229].

Однако в современной доктрине, актах международного права и их проектах, решениях современных международных уголовных трибуналов *ad hoc* связь преступлений против человечности с вооруженным конфликтом либо с государственным участием не является юридически обязательной, несмотря на то, что в реальности такая связь обычно существует [4, с. 149–150; 9, с. 92–95].

Заключение и выводы

Какой может (должна) быть норма о преступлениях против человечности в УК РФ?

Во-первых, очевиден тот факт, что данная норма должна располагаться в 34-й главе УК РФ в системе преступлений против мира и безопасности человечества. Германский опыт инкорпорации норм международного права в национальное законодательство и принятия «специального» уголовного закона для нас не применим в принципе в силу предписаний ч. 1 ст. 1 УК РФ. Поэтому единственно возможный путь – это трансформация положений УК РФ в соответствии с принципами и нормами международного права.

Во-вторых, надо определиться с тем, а какие именно принципы и нормы международного права о преступлениях против человечности могут (точнее – должны) быть имплементированы (трансформированы) в национальное уголовное законодательство. Здесь надо согласиться с Е. Н. Субботиной в том, что «необходимо принимать во внимание предварительную оценку соответствия действующего уголовного законодательства нормам международного права» для выявления «объема необходимых изменений, системного подхода к процессу имплементации и использования приемов законодательной техники» [8, с. 8–9].

В свете сказанного, по понятным причинам, положения Римского Статута Международного уголовного суда не могут быть положены в основу криминализации предлагаемой нормы о преступлениях против человечности. Зато в полной мере могут быть использованы положения уставов послевоенных трибуналов и современных уголовных трибуналов *ad hoc*, признаваемых Россией и содержащих необходимые международно-правовые предписания о преступлениях против человечности. Также должны быть использованы конвенционные нормы, имеющие силу для Российской Федерации, но не отраженные в ее национальном уголовном законодательстве (прежде всего, это касается Конвенции о предупреждении преступления апартеида и наказания за него).

В-третьих, в предлагаемой норме должно быть (в максимально возможной мере) учтены традиционные для УК РФ приемы законодательной техники и сложившаяся терминологическая система. Предлагаемая норма должна быть, по возможности, лишена оценочных признаков и обладать ясной правовой определенностью – так как речь идет о криминализации одного из наиболее тяжких деяний, то сама возможность расширительного толкования и необоснованного применения такой нормы должна быть сведена к минимуму. Терминология нормы должна иметь «сквозной» характер и пониматься однозначно применительно ко всем нормам уголовного законодательства.

Поэтому представляется правильным суждение Д. В. Лобача о том, что криминализация преступлений против человечности на современном этапе «должна осуществляться только с учетом специфики национальной юридической техники и принципам правотворчества». Далее, особое внимание необходимо обращать на «вынужденную адаптацию ключевых дефиниций, отраженных в нормативно-правовом концепте “преступления против человечности” применительно к понятийно-категориальному аппарату российского уголовного права» [7, с. 601].

В-четвертых, предлагаемая норма о преступлениях против человечности должна иметь структурную логику и внутреннее единство. Они могут быть определены через единый «контекстуальный элемент», присущий всем конкретным видам таких преступлений. В соответствии с действующими для России нормами международного права, признаваемыми нашим государством решениями международных уголовных судов *ad hoc* и достижениями доктрины, такой «контекстуальный элемент» может быть определен как «широкомасштабное или систематическое нападение на представителей гражданского населения».

Исходя из традиций отечественного законодательства, смысла действующих для России норм международного уголовного права, в перечень деяний, составляющих преступления против человечности, необходимо включить: убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, истязание, похищение человека, незаконное лишение свободы, торговлю

людьми, использование рабского труда, изнасилование и насильственные действия сексуального характера. Употребляемые в нормах международного уголовного права деяния в виде «истребления», «пытки», «насильственного исчезновения людей», «заклучения в тюрьму» в полной мере охватываются вышеприведенным перечнем деяний, предлагаемых к криминализации в качестве конкретных видов преступлений против человечности.

Литература

1. Абашидзе, А. Х. Участие государств в Римском Статуте Международного уголовного суда как новый вид обязательств *erga omnes* / А. Х. Абашидзе. – Текст : непосредственный // Международный уголовный суд: проблемы, дискуссии, поиск решений. – Москва : Институт права и публичной политики, 2008. – С. 45–52.
2. Богуш, Г. И. Международные преступления: модель имплементации в Российское законодательство / Г. И. Богуш, Г. А. Есаков, В. Н. Русинова. – Москва : Проспект, 2017. – 176 с. – Текст : непосредственный.
3. Гигинейшвили, М. Т. К вопросу об оптимизации главы 34 УК / М. Т. Гигинейшвили. – Текст: непосредственный // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. – Москва : МГЮА, 2015. – С. 470–472.
4. Кибальник, А. Г. Преступления против человечности в решениях современных международных судов (трибуналов) / А. Г. Кибальник. – Текст : непосредственный // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2015. – № 4. – С. 147–159.
5. Кибальник, А. Г. Современное международное уголовное право / А. Г. Кибальник. – 2-е издание. – Москва : Wolters Kluwer, 2010. – 304 с. – Текст: непосредственный.
6. Курносова, Т. И. Имплементация международно-правовых норм о военных преступлениях и преступлениях против человечности в российское уголовное законодательство : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Т. И. Курносова. – Москва : МГЮА, 2015. – 292 с. – Текст : непосредственный.
7. Лобач, Д. В. Политико-правовые основания криминализации деяний, составляющих концепт «преступления против человечности», в российском уголовном законодательстве / Д. В. Лобач. – Текст : непосредственный // Эффективность уголовно-правового, криминологического и уголовно-исполнительного противодействия преступности : материалы XII Российского конгресса уголовного права. – Москва : Юрлитинформ, 2020. – С. 597–601.
8. Субботина, Е. Н. Механизм имплементации международного уголовного права в зарубежных странах и в России : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Е. Н. Субботина. – Москва : РПА Минюста России, 2011. – 22 с. – Текст: непосредственный.
9. Cassese's International Criminal Law / A. Cassese, P. Gaeta, L. Baig, M. Fan, C. Gosnell, A. Whiting. – 3rd edition. – Oxford University Press, 2013. – 414 p.
10. May, L. Crimes against Humanity: A Normative Account / L. May. – Cambridge University Press, 2005. – 310 p.